

Я не обращал внимания на резвящихся подростков, которых я быстро вывел из строя, чтобы изучить Тома Риддла: высокие скулы, тёмные глаза и всклокоченные чёрные волосы.

Я мог понять, что из него вырастет обаятельный человек, но пока он сохранял неуклюжий, неловкий вид человека, у которого только началось половое созревание.

Я рассеянно ослабил галстук и продолжил свой путь к общей комнате, палочки моих импровизированных противников были свободно зажаты в моей руке.

"Ты мог бы помочь, знаешь?"

"Не похоже, что ты в ней нуждался", - последовал ровный ответ, - "А ты не собираешься...", - он кивнул в сторону все еще кричащих подростков, предлагая мне отомстить за их нападение.

Я закатил глаза: я не собирался бить подростков только потому, что они тупые. Даже если бы я собирался убить именно этого тринадцатилетнего подростка.

Я скривился от того, что моя решимость показала мое лицемерие, и вместо этого решил ответить на вопрос Тома.

"Я думал о том, чтобы поместить палочки на камин, даже если кому-то, кроме профессора, удастся спустить их вниз, им все равно придется вернуть свои палочки на глазах у всех".

"Игра на власть." Брови Тома поднялись на лоб: "Ты не похож на обычного одиннадцатилетнего волшебника, не так ли?"

Черт. Я пожал плечами: "А что выдавало? Мой рост? Мое невербальное обаяние?"

"То, что их первый *Pietrificus Totalus* на тебя вообще не подействовал. Но да, невербальная магия довольно развита, я так понимаю, что вас уже обучали? Я никогда не слышал о заклинании, позволяющем подвешивать людей за лодыжки", - поинтересовался слизеринец.

"На меня наложены защитные чары, такая низкоуровневая вещь вряд ли меня затронет". Я отмахнулся от его первого вопроса, быстро обдумывая, как отнестись к своему явно необычному умению.

С одной стороны, доказав свою необычность, Томе может увидеть во мне потенциальную угрозу, но, поскольку мне было 13 лет, я временно находился в безопасности. С другой стороны, он мог попытаться взять меня "под свое крыло", и я был бы более чем способен всадить нож ему между ребер.

Он ни черта не знал о моей жизни, так что я мог продать свое умение, рассказав о предыдущем учителе. Проблема была в том, что... Я не хотел этого.

Я хотел, чтобы мои достижения оставались моими, меня не волновало мнение окружающих о моих поступках, но мое мастерство и сила... Я хотел, чтобы меня уважали за это. Я хотел дать понять, что я не просто очередной волшебник.

Я собирался перевернуть мир, и какая-то часть меня хотела получить подтверждение.

Что я заслуживаю быть здесь.

Что я справлюсь с этой задачей.

Что я здесь, чтобы остаться. И к черту все остальное.

"Я вроде как собрал вариацию "Импедимента" и "Сглаза". Я надул Тома, сделав глубокий вдох, прежде чем продолжить: "И я не понимаю разницы между вербальным и невербальным.

По правде говоря, я с трудом понимаю каламбурную или откровенно неправильную латынь в заклинаниях, но, видимо, я здесь для того, чтобы учиться".

К этому времени мы уже добрались до Общей комнаты, где Том подождал несколько секунд, прежде чем последовать за мной, давая возможность общей толпе студентов затихнуть и посмотреть на меня широко раскрытыми глазами, пока я опускал две палочки нападавших на меня людей на каминную полку самого большого камина.

Затем я сел за стол, где меня ждала мраморная шахматная доска, и, взяв в руки учебники по Трансфигурации, небрежно начал новую партию.

По правде говоря, я не был гением в шахматах, это была довольно линейная игра, которая, как правило, была слишком медленной, чтобы быть приятной. А вот игры в пули были гораздо интереснее: пара минут на исполнение всего матча.

Вскоре Том сидел передо мной и, прищурив бровь, разглядывал мои книги, а затем перебирал в пальцах своего черного короля, демонстрируя острую улыбку, которую я не мог понять, настоящая она или нет.

Мне было интересно, понимает ли Риддл, что он сидит передо мной сразу после моего поражения от пары старшекурсников. Пока что не похоже, чтобы он был главным в Слизерине, и я догадывался, что это скорее из-за его возраста, чем из-за его умений.

Неважно, насколько он хорош, но ни один взрослый не захочет слушать ребенка, который может показать тебе, что он лучший.

"Ты играешь?" - спросил он, надеясь, что я не замечаю его мыслей.

"Я предпочитаю матчи с таймером". ответил я, пролистывая свою подборку книг: "Если ты сможешь установить для каждого из нас песочные часы, рассчитанные на одну минуту, и песок будет сыпаться только тогда, когда наступит моя или твоя очередь, тогда мы сможем провести матч".

И точно так же, как Минерва бросила мне вызов после того, как я уже начал производить на нее впечатление, я сам поставил условие, с помощью которого Том мог бы доказать свою состоятельность.

Я подавил гримасу, когда понял, к чему привел мой небрежный ответ. Сомнение в его ценности - верный способ заставить его что-то сделать, но это также заставит его воспринимать меня как человека, который смотрит на него свысока.

Подружиться с психами оказалось непросто, кто бы мог подумать?

Я начал вскользь просматривать принципы трансфигурации живых существ, пытаюсь совместить их с теми ограниченными знаниями о трансфигурации, которые у меня были.

Длинные шахматные матчи, по крайней мере, не профессиональные, обычно выигрывались за счет вычислительных навыков игрока в сочетании с концепцией "изматывания" противника,

фигура за фигурой.

Пулевые же игры представляли собой баланс агрессивности и времени. Как правило, первые 5-10 ходов выполнялись путем заучивания: вывести коней на поле, открыть пути для удара слонов, контролировать пешками центр шахматной доски и чаще всего рокировать, чтобы организовать оборону.

Поэтому я краем глаза с нескрываемым изумлением наблюдал, как Том сосредоточенно хмурится и достает свою бледную палочку.

С бормочущим "ассио", которое, я уверен, он произнес больше для моей пользы, чем по реальной необходимости, пара пешек со свободной шахматной доски была вызвана к нам, возмущенно пискнув от наглости тринадцатилетнего Слизераина, после чего он приглушил их растерянным "silencio".

Несколько секунд Риддл, казалось, не шевелился, разглядывая их. Затем он тихонько помахал над ними своей тисовой палочкой, и я открыто смотрел, как осколки удлиняются, мрамор, из которого они были сделаны, течёт, как вода, по бокам, чтобы продемонстрировать восьмёрку из стекла.

После нескольких бормочущих заклинаний и постукивания над головой двух маленьких песочных часов белый и черный песок посыпался в соответствующие песочные часы, застыв в верхней части.

В итоге две пешки, которые поначалу не отрываясь смотрели на Риддла, превратились из пары скрюченных пехотинцев за змеиными щитами в двое песочных часов высотой с ладонь, белые и черные, со шлемами на головах, которые по-прежнему возмущенно смотрели на Риддла.

Я перестал делать вид, что изучаю, чтобы как можно внимательнее следить за следующей частью. Трансфигурировать было достаточно просто, основной принцип я успешно усвоил, а все последующее было лишь следствием.

Сделать так, чтобы песок бежал только в нужное время, было не так просто, и здесь я вступал в область, с которой еще не был знаком: зачарование.

Конечно, зачарование перышка, чтобы оно плавало, технически было "зачарованием", поскольку добавляло перышку свойство, которого у него, естественно, не было. Но это был "прямой" подход, очень похожий на чары, меняющие цвет.

Сделать так, чтобы предмет сохранял определенный механизм или магию, - это совсем другое дело, по крайней мере, на мой, мягко говоря, неосведомленный взгляд.

Его глаза встретились с моими, и он открыто ухмыльнулся, после чего просто прикоснулся своей палочкой к верхней части чёрных песочных часов и голове чёрного короля, а затем повторил процесс с белыми частями.

Маленький ублюдок. Я мысленно выругался: сделав всё молча и без видимых движений палочкой, он фактически лишил меня возможности узнать что-то новое.